

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

Третье тысячелетие внесло в гуманитарную науку возможность предметно оценить ряд гипотез и положений, которые были выдвинуты крупнейшими мыслителями XIX и XX веков. Прошло достаточное количество времени, чтобы провести своего рода селекцию идей, принявших действительное развитие, и оставить в стороне те из них, которые не находят подтверждения. Например, З. Фрейд однозначно стоял на точке зрения вытеснения наукой религии, замены святости и веры на достоверность и знание. Новейшая история, показывает, что наука не может все контролировать, особенно, когда речь идет о непредсказуемых социальных коллизиях или природных катастрофах, а религиозность в эти моменты развивается и укрепляется. Идея гуманизма, которая в европейской традиции мыслилась в качестве замены нигилизму и религиозной картине мира, претерпела большую критику в свой адрес, которая связывала ее со всеми основными центрированными идеологиями, приведшими к различным версиям их господства в науке, политике, международных отношениях. Популярность экзистенциализма Сартра или Камю и авторитет постпозитивизма К. Поппера здесь, как оказывается, не играет решающей роли, но порождает новые вопросы, предполагающие неоднозначные ответы. Одна из самых ярких левых идей о возможности построения справедливого общества, и одна из самых захватывающих версий постклассического соединения теории и практики, гносеологии и онтологии — теория марксизма, потерпела, если не теоретическое, то уж точно практическое фиаско. Практика, которую Маркс выдвигал в качестве критерия истины, послужила «крупнейшему гегельянцу» (М. Хайдеггер) плохую службу. Она показала неистинность его теории, привели к ситуации самоотрицания концепции, выдвинув на первый план невозможность диалектического метода в рамках материализма.

Особое место в сформировавшейся проблематике занял вопрос о соотношении философии и науки. При всей разности точек зрения в европейской философии, просматривается тенденция,

которая является устойчивой и по сей день. Она столь же определена, как и классическая проблема субъект-объектной рубрики мышления, имеет те же пути решения, которые наметились в классических версиях рационализма и эмпиризма в Новое время. В частности, в европейской философии принципиальными являются позиции континентальной и англосаксонской линии. При всей напряженности отношений между ними (в частности, речь идет о теоретических баталиях в 70-х годах прошлого столетия между К. Поппером (Кембридж) с одной стороны, Т. Адорно и М. Хоркхаймером (Франкфурт-на-Майне) — с другой), взгляд на затронутую в тексте проблему выглядит однозначным. Поппер, довольно в резкой и убедительной форме, доказывая, что его взгляды не имеют прямого отношения к позитивизму, все же отдавал предпочтение науке и философии науки, совершенно отрицая значение философии в том виде, в каком она развивалась в Романо-германском мире. Витиеватость выражений, затянутые фразы, смысл которых скромнен и не эвристичен, неактуальная тематика и предельная удаленность от насущных проблем действительной формы прогресса — вот неполный перечень недостатков континентальной философии. Под данную стратегию критики попадают и крупные «интеллектуальные разоблачения» таких традиционных европейских ценностей, как просвещение, гуманизм, гражданское общество, затронутые в качестве тем М. Хоркхаймером, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хайдеггером, Ж. Дерридой и др. Все они ставятся под вопрос. Континентальная мысль также исходит из различия функций и миссий философии и науки. Акцент делается другой и он решающим образом управляет толкованием. Например, по мнению М. Хайдеггера, наука не мыслит, ею управляет эксперимент, она — основной факт эпохи Нового времени, благотворность которой со временем утрачивается. Философия одна способна мыслить бытие в дифференции с сущим, а следовательно, преодолеть исторически сложившуюся и сильно повлиявшую на судьбу Европы подмену бытия сущим. Вопрос бытия — это всегда вопрос судьбы человека, истолкованного как *Da-sein*, и только он открывает простор для «осмысляющего раздумья», вытесняя на второй план «калькулирующее мышление».

В романо-германской и в англосаксонской линиях в равной мере видна непримиримость науки и философии, и зачатую это предмет особого корпоративного шовинизма и своего рода гордо-

сти. Только на континенте впереди философия, а в англо-американских университетах — наука обладает непреходящей ценностью. Для философии происходит олицетворение независимости от цивилизации и глобалистских тенденций в социальной сфере, обусловленных стремлением к общедоступному комфорту и благополучию, что является модусом нонконформизма и своего рода «мужеством быть» в современном мире. Для науки и философии науки это некая обусловленная мировоззрением честность, которая состоит в том, чтобы не терять попусту время на такие вопросы, как бытие абсолютных сущностей (истина, добро, красота), бессмертие, Бог и другие категории, относящиеся к интуитивно-волевой или религиозной сферам.

Другая постановка вопроса в русской философии. В критике западной философии, начатой в строгой выверенной форме В. Соловьевым, русская мысль всегда отмечала тенденцию, которая проявляет себя в полной мере в рассматриваемом вопросе. Речь идет о принципиальном единстве оснований континентального рационализма и островного эмпиризма, которые исходят из первичной расщепленности субъекта и объекта, но по-разному формируют дискурс о знании. Первые полагают абсолютной сущностью субъект и его разумно-рассудочную конструктивную деятельность, из которой вырастает весь материал научного познания. Эмпиризм, в свою очередь, основывается на следовании опыту, полученному при изучении объекта. Наряду с В. Соловьевым, такие философы, как Л. Лопатин, Н. Лосский, С. Франк аргументировано разъясняли, что дифференция субъекта и объекта в любой познавательной деятельности приводит к однотипным результатам, предельный смысл которых состоит в том, что мир остается непознанным, а человек отчужденным. Н. Лосский обосновывает положение о транссубъективной сфере, которой почти совсем не уделялось времени в философии. Ее предметная область состоит из сущностей, которые не входят в эмпирический состав субъекта, не являются его частью, но при этом они не бесконечно отчуждены от него в том смысле, в котором трактуется трансценденция. Н. Лосский в процессе критического осмысления философии И. Канта приходит к необходимости ввести в дискурс понятие транссубъективного, в котором заключена некая силовая реальность — транссубъективная принудительность. Философ полагает, что волюнтаризм, пришедший в философскую

Европу после коперниковского переворота «Кенигсбергского мудреца» может быть в разумных рамках ограничен. Причем здесь играет роль не только здравый смысл, говорящий о своих правах в момент полной свободы конструктивной деятельности рассудка, но и исследовательские выводы, подводящие к такого рода ограничениям.

В «Душе человека» (1917) С. Франк восстанавливает статус психологии с помощью категорий онтологии. Франку удалось осуществить проект без смешения предметной основы философии и психологии, но показать действенность одной из теоретических посылок своей философии, состоящей в том, что неклассический поиск настолько увлекся новаторством, что даже не допускает альтернатив психологии без души, а философии без истины. Н. Лосский и С. Франк выдвигая в качестве онтологической основы личность познающего и концептуализируя ее, приходят к элементам, которые очерчивают возможность воссоздания (все)единства научного и философского знания. Они исходят из того, что отчужденное бытие науки, прежде всего, сказывается в попытках создания ее полного обезличивания под действием методологического принципа полной и абсолютной объективности знания. Этими элементами являются органическое единство мира, системное качество любого элемента (электрон или кислород обнаруживают себя только во взаимодействии с другими объектами), личностная основа любого процесса познания, единство субъекта и объекта в процессе познания и непродуктивность их дифференции в неких абстрактных априорных схемах. Они обнаруживают себя именно тогда и всегда в процессе познания, и в нем они уже слиты, представляют собой и статическое (в качестве категорий познания) и динамическое (например, в виде творческого порыва, интуитивного поиска) единство.

Совершенно из иных посылок, но очень близко к тем же выводам приходит Э. Гуссерль, предпосылая всему европейскому корпусу знания философию, которая в свою очередь, стала формой бытия исторически возникшей в Древней Греции теоретической установки. В отличие от Канта, к которому русские философы относились критически, но скорей стремились дополнить его, нежели переворачивать или подвергать деструкции, основатель феноменологии является точным и строгим антиподом Канта. Так, опровергая мнение Канта о том, что метафизика является

неудавшимся проектом, инициативу которого подхватил и успешно реализовал сектор математического естествознания, с которого и нужно философии брать пример, Гуссерль отрицает науку в качестве лучшей философии. Напротив, он говорит о нераскрытой сущности философии в результате не совсем успешной интеллектуальной практики. Философия хранит сущность любой теории и ждет своего часа. М. Хайдеггер, ученик Гуссерля, превратил эту посылку в категорическое утверждение, в которой гипертрофируется самоценность философии, а вопрос о сущности научно-познавательной деятельности в целом игнорируется. Поэтому в большей степени конгениальные Гуссерлю идеи выражали представители русской мысли, предпочитавшие подчеркивать на концептуальном уровне персоналистическую сущность любого познавательного акта.

В.Н. Усов
Челябинск

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В НАУКЕ УПРАВЛЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Актуальность обозначенной таким образом темы обуславливается многообразными факторами, в первую очередь, — потребностями практики управления, необходимостью дальнейшего развития его теории, а также внутренней логикой развития самой философии.

Стремление России занять достойное место среди развитых стран требует освоения передового мирового опыта, определяет тем самым новое для нас видение всей управленческой проблематики. Переход этих стран к так называемому постиндустриальному или информационному обществу существенно увеличивает долю умственного труда в составе их факторов производства. В этой связи в них происходят качественные изменения содержания и форм управленческой деятельности, модифицируются старые и конструируются совершенно новые системы управления. Все чаще их ориентирами становятся модели синергетического типа — креативные сетевые структуры, самообучающиеся организации, интеллектуальные организации и т.п. Такие самоорганизующиеся системы объективно обуславливают рефлексивность управленче-